

Харлан Эллисон

Разрушительная сила

Харлан Эллисон

Разрушительная сила

OCR Tolin. «Интересное – всем!»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120311

Журнал Если №7: 1997

Аннотация

Всегда кто-то кого-то обижает. Эмоции, 4 миллиарда настроений гудят, копят заряды гнева и когда пробьет... Тогда каждый – немного тот самый Толливер, кого обидели!.. Вы сейчас никого не обижаете?

Харлан Эллисон

Разрушительная сила

* * *

Уильям Шлейхман произносил свою фамилию как «Шляйхманн», но многие из тех несчастных, которым он делал ремонт, называли его не иначе, как «Шлюхман».

Он спроектировал и построил новую ванную для гостей в доме Фреда Толливера. Толливеру было чуть за шестьдесят, он только что вышел на пенсию после долгой активной жизни студийного музыканта и имел глупость верить, что пятнадцать тысяч годовой ренты обеспечат ему комфорт. Шлейхман же наплевал на все исходные спецификации, подсунул дешевые материалы вместо полагавшихся по правилам, провел дешевые японские трубы вместо гальванизированных или труб из напряженных пластиков, срезал расходы на труд, нанимая нелегальных иммигрантов и заставляя их работать от зари до зари, – словом, нахалтурил, как только мог. Это было первой ошибкой.

И за весь этот кошмар он еще содрал с Фреда Толливера лишних девять тысяч долларов. Это была вторая ошибка.

Фред Толливер позвонил Уильяму Шлейхману. Он говорил очень мягко, чуть ли не извиняясь – настоящий джентль-

мен никогда не позволяет себе выразить досаду или гнев. Он ограничился вежливой просьбой к Уильяму Шлейхману: прийти и исправить работу.

Шлейхман расхохотался прямо в телефонную трубку, а потом сообщил Толливеру, что контракт выполнен до последней буквы и никакие дополнительные работы не предусмотрены. Это была третья ошибка.

Шлейхман сказал чистую правду. Инспекторов подмазали, и они приняли работу на законных основаниях согласно строительным кодексам. Формально Шлейхман был чист, и против него нельзя было выдвинуть никакого иска. С точки зрения профессиональной этики – другое дело, но это Шлейхмана волновало не более прошлогоднего снега.

Как бы там ни было, а Фред Толливер остался при своей ванной комнате для гостей, со всеми ее неровностями, швами и трещинами, пузырями винилового пола, обозначающими утечки горячей воды, и трубами, завывавшими при открывании кранов – точнее, они выли, если краны все-таки удавалось открыть.

Фред Толливер неоднократно просил Шлейхмана исправить работу. Наконец Белла, жена Уильяма Шлейхмана, часто отвечавшая на деловые звонки мужу (сэкономить пару баксов, не нанимая секретаршу, – святое дело!), перестала его соединять. Фред Толливер мягко и вежливо попросил ее: – Будьте добры сообщить мистеру Шлейхману (он так и произнес: «Шлейхману»), что я очень недоволен. Доведите,

пожалуйста, до его сведения, что я это дело так не оставлю. Он поступил со мной ужасно. Это непорядочно и нечестно.

А она тем временем жевала резинку и любовалась ногтями. Все это она слыхала и раньше, поскольку была замужем за Шлейхманом уже несколько лет. Всегда одно и то же, каждый раз.

– Слушайте, вы, мистер Тонибар или как вас там, что вы ко мне пристали? Я тут работаю, а не командую. Могу ему передать, что вы опять звонили, и все.

– Но вы же его жена! Вы же видите, как он меня ограбил!

– Так от меня-то вы чего хотите?! Я ваши глупости слушать не обязана!

Тон у нее был скучающий, высокомерный, крайне пренебрежительный тон – как будто он был чужак, какой-то сдвинутый, требующий неизвестно чего, а не того, что ему должны. Тон подействовал, как бандерилья на уже взбешенного быка.

– Это просто жульничество!

– Ну скажу я ему, скажу! Господи, вот привязался. Все, кладу трубку.

– Я вам отплачу! Я найду управу...

Она с размаху бросила трубку, щелкнула в раздражении резинкой во рту и принялась разглядывать потолок. И даже не позаботилась передать мужу, что звонил Толливер.

И это была самая большая ошибка.

Танцуют электроны. Поют эмоции. Четыре миллиарда настроений гудят, как насекомые. Коллективный разум улья. Эмоциональный гештальт. Копятся и копятся заряды, сползая к острию в поисках самого слабого места, которое пробьет разряд. Почему здесь, а не там? Вероятность, тончайшая неоднородность. Вы, я, он или она. Каждый, всякий, любой, кто был рожден, или кто-то, чей гнев достиг в тот момент критического напряжения.

Каждый – Фред Толливер. Эмоциональный разряд масс.

Подъезжая к бензоколонке, он переключил передачу на нейтральную и заглушил мотор. Вытащив изо рта трубку, Шлейхман бросил подоспевшему служителю:

– Привет, Джин. Экстрой заправь, ладно?

– Извините, мистер Шлейхман, – у Джина был чуть опечаленный вид, – но вам я бензина продать не могу.

– Что за черт? У вас что, все кончилось?

– Нет, сэр. Вчера вечером залили баки под самую горловину. Просто я не могу продать вам бензин.

– Какого черта?!

– Фред Толливер не желает, чтобы я это делал.

Шлейхман уставился на работника заправки. Конечно, он не расслышал. На этой станции он заправлялся уже одиннадцать лет и понятия не имел, что они знают этого пролазу Толливера.

– Джин, не будь идиотом. Заправляй чертов бак!

– Простите, сэр. Для вас бензина нет.

– Да кто он тебе, этот Толливер? Родственник или что?

– Нет, сэр. Я с ним не знаком. Появись он здесь прямо сейчас, я бы его не узнал.

– Так какого же... Да я... Да ты...

Но Шлейхману не удалось убедить Джина качнуть хотя бы литр в бак своего роллса.

Как не удалось заправиться и на шести остальных заправках по той же улице. И когда бензин уже кончался, Шлейхману только и оставалось, что свернуть к тротуару.

Увы, бензин закончился как раз посреди бульвара Вентура. Подъехать к бровке тоже не удалось – движение, еще секунду назад слабое, вдруг стало таким плотным, что пальца не просунешь. Шлейхман бешено завертел головой, выискивая путь, но из потока было не выбраться.

Изрыгая ругательства, он поставил нейтральную передачу, опустил окно, чтобы взяться за руль снаружи, и вышел из замолкшей машины. Хлопнув дверью и кляня Фреда Толливера на чем свет стоит, он сделал первый шаг. Раздался мерзкий треск раздираемой ткани – пятисотдолларовый тончайшего сукна пиджак защемило замком.

Изрядный лоскут пиджака, мягкого, как взгляд лани, сшитого на заказ в Париже, самого любимого пиджака цвета опавших листьев, обвис, словно половая тряпка. Шлейхман даже всхлипнул от досады.

– Да что же это творится?! – рывкнул он так, что прохожие стали оглядываться. Это был не вопрос, а проклятие. В ответ

раздался раскат грома. Лос-Анджелес лежал в тисках двух-летней засухи, но сейчас над головой громоздились черные тучи.

Шлейхман потянулся через окно, попробовал повернуть руль к тротуару, но при выключенном моторе руль с механической тягой повернуть было трудно. Он напрягся... сильнее... и что-то хрустнуло у него в паху! Ноги свела дикая боль, и Шлейхман согнулся пополам.

Перед глазами вспыхнули и поплыли круги. Он неуклюже затоптался на месте, прижав обе руки к источнику боли. Страдания выжимали мучительные стоны. Шлейхман прислонился к машине – что-то он себе явно повредил. Через несколько минут ему кое-как удалось разогнуться. Рубашка пропиталась потом, дезодорант выветрился. Справа и слева его объезжали автомобили, водители которых осыпали его ругательствами. Надо было выводить роллс середины улицы.

Держась одной рукой за низ живота, в лохмотьях, оставшихся от пиджака, Шлейхман по плечо засунул руку в машину, схватился за руль и снова напрягся. На этот раз рулевое колесо медленно повернулось. Шлейхман приноровился, преодолевая пульсирующую в паху боль, поднажал плечом на стойку окна и попробовал сдвинуть своего бегемота. Мелькнула мысль о преимуществах легких спортивных автомобилей. Машина качнулась на сантиметр вперед – и скользнула обратно.

Едкий пот заливал глаза. Шлейхман, злясь на весь мир,

толкал машину изо всех сил, насколько позволяла боль. Проклятая железяка не двигалась с места.

Все, он сдался. Нужна помощь. Помощь!

Он стоял за своей машиной посреди улицы, лохмотья пиджака трепал ветер, а запах от Шлейхмана шел такой, будто его уже год как забыли выбросить. Бедняга изо всех сил махал свободной рукой, призывая на помощь, но никто и не думал останавливаться. Над долиной прокатывался гром, а там, где лежали, страдая от жажды, Ван-Ньюйс, Панорама-сити и Северный Голливуд, ветвясь, вспыхивали молнии.

Автомобили летели прямо на него и сворачивали в последний момент – как матадоры, выполняющие сложную фигуру. А некоторые даже прибавляли скорость, и водители, нависая над рулем, скалились, как бешеные звери, готовые его растерзать. Какой-то датсун прошел так близко, что своим боковым зеркалом пропахал внушительную борозду в свежем лаке вдоль всего правого борта роллса. Никто не остановился. Только какая-то толстуха высунулась из окна, пока ее муж давил на газ, и что-то злобно выкрикнула. Долетело лишь слово «Толливер».

В конце концов машину пришлось бросить посреди улицы с распахнутым, как рот голодной птицы, капотом.

До офиса оставалась миля. Надо добраться туда и позвонить в Автомобильный клуб – пусть пришлют буксир до бензоколонки и там заправят машину.

Толливер, гад! Черт бы побрал старого хрыча!

В офисе никого не было.

Это выяснилось не сразу, потому что в лифт попасть ему не удалось. Шлейхман стоял перед дверями, переходил от одних к другим, но стоило ему остановиться перед лифтом, как тот неизменно застревал на втором этаже. И только если появлялись другие пассажиры, лифт спускался, причем всегда не тот, перед которым стоял Шлейхман. Если он пытался подскочить к пришедшему лифту, дверь быстро, как будто ведомая разумной злой волей, закрывалась перед ним. Так продолжалось минут десять, пока Шлейхман не понял наконец, что происходит что-то ужасное и необъяснимое.

Пришлось идти по лестнице. (Там он поскользнулся и до крови ободрал правое колено, а каблук застрял в какой-то щели и оторвался напрочь).

Хромая, как инвалид, в болтающихся лохмотьях бывшего пиджака, держась за пах, Шлейхман добрался до одиннадцатого этажа и попытался открыть дверь.

Впервые за всю тридцатипятилетнюю историю здания она была заперта. Шлейхман ждал пятнадцать минут, пока какая-то секретарша не выскочила, будто ошпаренная, прижимая к груди кипу бумаг. Он все же успел ухватить дверь, пока пневматическая пружина ее не захлопнула. Он ворвался на этаж, словно путник, в бескрайней пустыне чудом нашедший оазис, и устремился в офис фирмы «Шлейхман констракшн корпорейшн».

Офис был пуст.

Но не заперт. Наоборот, широко распахнутые двери гостеприимно зазывали воров. Ни приемщиц, ни оценщиков, и даже Белла, его жена, которая служила секретаршей, тоже где-то болталась.

Впрочем, она хоть записку оставила. Записка гласила:

«Я от тебя ухожу. Когда ты это прочтешь, я уже побываю в банке и сниму деньги с нашего счета. Искать меня не надо. Пока».

Шлейхман сел. Он ощутил приближение чего-то, что с уверенностью назвал бы мигренью, хотя никогда в жизни мигренями не страдал. Как говорится, «Хоть стой, хоть падай».

Сомнений у Шлейхмана уже не оставалось. Он получил более чем достаточно доказательств, что мир охвачен какой-то злой и явно антишлейхмановской волей. Эта воля все время старается до него добраться... уже добралась на самом деле, и вполне упорядоченная комфортабельная жизнь превратилась в кучу мерзкого, гнусного собачьего дерьма.

И эта сила называлась Толливер.

Фред Толливер... Но каким образом?

Вопрос был риторическим. Творилось что-то необъяснимое. Никто из знакомых и незнакомых, ни Джин на бензоколонке, ни люди в автомобилях, ни Белла, ни его служащие, тем более дворца автомобиля или лифты здания вообще не знали, кто такой Толливер! Белла, положим, знала, но что ей до Толливера?

Ладно, с Беллой более или менее ясно. Значит, она все-таки не простила ему тот совершенно несерьезный эпизод с лаборанткой из Маунт-Синая. Ну и стоило из-за пустяка ломать хорошую жизнь? Черт бы побрал этого Толливера!

Шлейхман хлопнул ладонью по столу, слегка промахнулся, попал по краю и загнал в ладонь огромную занозу, а пачка телеграмм подпрыгнула и рассыпалась по столешнице и по полу.

Завывая от боли, он высасывал занозу из ладони, пока та не вышла. Одной из телеграмм обернул ладонь, пытаясь унять кровь.

А в телеграммах-то что?

Шлейхман открыл первую. «Бэнк оф Америка», Беверли-Хиллз, филиал 213, имел удовольствие известить его, что они желают потребовать назад полученные им ссуды. Все пять, пожалуйста. Открыл вторую телеграмму. Его брокер с радостью информировал, что все шестнадцать пакетов акций, на которых он играл (естественно, на разнице курсов без предварительной оплаты), резко упали за нижний край списка главных акций, и если господин Шлейхман не явится сегодня до полудня с семьюдесятью пятью тысячами долларов, его портфель будет ликвидирован. Стенные часы показывали без четверти одиннадцать (а не остановились ли они?). Открыл третье послание. Классификационный экзамен он завалил; сам Вернер Эрхард лично прислал уведомление, где тоном, который Шлейхман счел неуместно злорад-

ным, сообщал, что Шлейхман «не обладает сколько-нибудь значительным потенциалом, который стоило бы развивать». Четвертая телеграмма. Из Маунт-Синая сообщали результат реакции Вассермана – положительная. Пятая. Налоговая инспекция с ума сходила от радости, извещая, что планирует провести аудиторскую проверку его доходов за последние пять лет и ищет в налоговом законодательстве лазейку, чтобы проверить его доходы чуть ли не со времен Бронзового века.

Там их было еще пять или шесть штук, этих депеш. Шлейхман даже не стал вскрывать конверты. Ему было абсолютно безразлично, кто там умер, и он не горел желанием узнать о последнем сообщении израильской разведки, что он, Шлейхман, есть не кто иной, как гестаповец Бруно Крутцмайер из Маутхаузена, по кличке «Мясник», лично ответственный за смерть трех тысяч цыган, профсоюзных деятелей, евреев, большевиков и демократов Веймарской республики. Не хотел он также знать, как министерство геодезических наблюдений и изучения береговой линии США с глубоким удовлетворением сообщит ему, что на том самом месте, где он сидит, сейчас разразится землетрясение и весь дом рухнет в центр Земли, в океан расплавленной магмы, в связи с чем страховка жизни мистера Шлейхмана аннулируется.

Пусть себе лежат.

Часы на стене остановились намертво.

Потому что электричество отключили.

Телефон не звонил. Шлейхман поднял трубку. Тоже глухо.

Толливер! Толливер! Как он это все устроил?

В упорядоченной Вселенной с землечерпалками, экскаваторами и армированным бетоном такое просто не может происходить.

Шлейхман сидел, мрачно мечтая о самых разных казнях, которым он подверг бы этого старого сукина сына Толливера.

Тут над ним взял звуковой барьер пролетающий «Боинг-747», и тяжелое зеркальное стекло в окне одиннадцатого этажа треснуло, зазвенело и рассыпалось по полу тысячами осколков.

Не зная ничего о всемирном резонансе эмоций, в своем доме сидел Фред Толливер, охватив руками голову, невероятно несчастный, осознающий только боль и гнев. Рядом с ним лежала виолончель. Он сегодня хотел поиграть, но все мысли были заняты этим ужасным Шлейхманом и той кошмарной ванной, да еще страшной болью в животе, которую вызывал гнев.

Электроны резонируют. Эмоции тоже.

Можно говорить о «несчастливых местах», о тех местах, где накапливаются эмоциональные силы. Те, кто видел тюрьму изнутри, знают, как пропитывают каждый камень ее стен чувства ненависти, лишений, клаустрофобии и собственной

ничтожности. Эмоции попадают в резонанс и откликаются друг другу: в политической борьбе, на футбольном матче, в драке, на рок-концерте, в линчующей толпе.

На Земле живут четыре миллиарда человек. Эти четыре миллиарда – отдельный мир, комбинация сложных систем, столь инертных в своем вековечном движении, что даже просто жить – значит, ежедневно выстаивать против неблагоприятных обстоятельств. Танцуют электроны. Поют эмоции. Четыре миллиарда, как резонирующие насекомые. Копится заряд, растет до предела поверхностного напряжения, заряд ищет выхода, ищет точку разряда: слабейшее звено, дефектное соединение, самый хрупкий элемент, Толливера, любого Толливера.

Как удар молнии – чем сильнее на Толливере заряд, тем сильнее он рвется на волю. Гонятся в сумасшедшем танце электроны от мест наивысшей концентрации туда, где их меньше всего. Боль – электродвижущая сила, обида – электрический потенциал. Электроны перепрыгивают изоляционный слой любви, дружбы, доброты и человеколюбия. Мощь разряда освобождается.

Знает ли громоотвод, что сбрасывает опасный электрический заряд? Может ли чувствовать лейденская банка? Засыпает ли вольтов столб, когда выработает весь ток? Ведомо ли точке, что через нее разрядились гнев и злость четырех миллиардов?

Фред Толливер сидел, забыв про виолончель, охвачен-

ный отчаянием, обидой обманутого, мукой бессилия перед несправедливостью, болью, пожиравшей его желудок. Молчание вопило, оно было самой сильной эмоцией во всей Вселенной. Случайность. Это могло произойти с кем угодно. Или, как сказал Честертон: «Совпадения – каламбуры Провидения».

Завонил телефон. Толливер не пошевелился. Телефон прозвонил снова. Толливер не двигался. В животе горела и клубилась боль. Отчаяние выжженной земли. Девять тысяч долларов дополнительной платы. Три тысячи семьсот по исходному контракту. Придется взять вторую закладную под дом. Пять месяцев работы сверх тех двух, в которые Шлейхман обещал уложиться. Семь месяцев грязи, цементной пыли и перемазанные рабочие, топающие через весь дом туда и обратно, оставляя где попало сигаретные окурки.

«Мне шестьдесят два. Господи, я ведь уже старик. Еще минуту назад я был просто человек в возрасте, и вот – я развалина. Никогда я еще не чувствовал себя таким немощным. Хорошо, что Бетси не дожила, она бы плакала. Но так нельзя, это ужасно, что он со мной сделал. Я теперь старик, бедный старик, просто без денег, и не знаю, что мне делать. Он жизнь мою разрушил, просто убил меня. Мне никогда с ним не расквитаться. И с коленями все хуже, пойдут счета от врачей, может, придется обращаться к специалистам... Страховка такого не выдержит... Господи, что же мне делать?»

Он был старым человеком, усталым пенсионером, кото-

рый почему-то возомнил, что сможет устроить остаток своей жизни. Он рассчитал, что его средств как раз хватит. Но три года назад у него начались эти боли в коленях, и хотя они последние полтора года не усиливались, ему приходилось иногда просто падать, внезапно и нелепо падать: ноги вдруг начинало колоть так, будто он их обе отсидел. Он даже боялся думать об этих болях, чтобы они, не дай Бог, вернулись.

Хотя на самом деле он не верил, что если о чем-то думать, то оно тут же и произойдет. В реальном мире так не бывает. Фред Толливер не знал о танце эмоций и о резонансе электронов. Он не догадывался о шестидесятидвухлетнем громоотводе, через который разрядились ужас и боль четырех миллиардов человек, беззвучно плакавших слезами Фреда Толливера, взывая о помощи, которая не приходит никогда.

Телефон продолжал звонить.

Толливер не думал о болях в коленях, последний раз посетивших его полтора года назад. Не думал, потому что не хотел, чтобы они вернулись. Сейчас они лишь чуть слышно пульсировали, и Толливер молил, чтобы не стало хуже. Он не хотел чувствовать иголки и булавки в мышцах. Он хотел вернуть свои деньги. Он хотел, чтобы прекратилось это чавканье под полом в ванной для гостей. Он хотел, чтобы Уильям Шлейхман все исправил.

А трубку он все же снял.

– Алло?

– Это вы, мистер Толливер?

– Да, я Фред Толливер. Кто говорит?

– Ивлин Хенд. Вы так и не позвонили по поводу моей скрипки, а мне она понадобится в конце следующей недели.

Он совсем забыл. Так злился на Шлейхмана, что из головы вылетела. Ивлин Хенд и ее сломанная скрипка. А ведь она ему заплатила вперед.

– Ох, простите, ради Бога, мисс Хенд! У меня тут такой ужас случился, мне построили ванную для гостей и взяли лишних девять тысяч, а она никуда не годится...

Он оборвал себя. Это все не относилось к делу. Смущенно закашлявшись, Фред Толливер продолжил:

– Мисс Хенд, я перед вами виноват, мне очень стыдно. Я пока не брался за вашу скрипку. Но я помню, что она вам нужна через неделю...

– Если считать со вчерашнего дня, мистер Толливер. Не в пятницу, а в четверг.

– Да, конечно. Четверг.

Приятная женщина эта мисс Хенд. Изящная, с тонкими пальцами и таким мягким, теплым голосом. Он даже подумал, не позвать ли ее пообедать: они могли бы ближе познакомиться. Ему нужно чье-то общество, особенно сейчас. Но, как и всегда, тихой мелодией прозвучала память о Бетси, и он ничего не сказал Ивлин Хенд.

– Вы слушаете, мистер Толливер?

– Да-да, конечно. Простите меня, я в последние дни очень замотался. Прямо сейчас займусь, вы, пожалуйста, не вол-

нуйтесь.

– Да, я несколько волнуюсь. – Она запнулась, как будто не решаясь продолжать, но потом сделала глубокий вдох и сказала: – Я вам заплатила вперед, так как вы говорили, что вам нужны деньги на материалы. . .

Он не обиделся, а наоборот, очень хорошо ее понял. Ивлин Хенд сказала такое, что в других обстоятельствах было бы неуместно, но она очень переживала из-за своей скрипки и хотела, чтобы ее слова звучали твердо, но не резко.

– Сегодня же ею займусь, обещаю вам, мисс Хенд. Инструмент был хороший. Если приступить к работе сегодня, то к сроку сделать можно, главное – не отвлекаться.

– Спасибо, мистер Толливер. – Ее голос смягчился. – Простите, что я так настойчива. Сами понимаете. . .

– Разумеется. Не волнуйтесь. Как только она будет готова, я вам позвоню. Я займусь ею особо, обещаю вам.

– Вы очень любезны, мистер Толливер.

Они попрощались, и он не позволил себе пригласить ее пообедать, когда скрипка будет готова. Это можно сделать позже, в свое время. Когда утрясется дело с ванной.

Эта мысль повлекла за собой беспомощную ярость и боль. Ужасный Шлейхман!..

Фред Толливер, не осознавая проходящих через него четырех миллиардов эмоций, уронил голову на руки, а электроны продолжали свой танец.

Через восемь дней Уильям Шлейхман сидел прямо на

земле в грязном переулке на задворках супермаркета, построенного почти сто лет назад как роскошный кинотеатр для показа фильмов из светской жизни, и пытался отгрызть кусочек черной горбушки, добытой в мусорном баке. Он похудел до сорока килограммов, не брился неделю, одежда превратилась в лохмотья, ботинки пропали четыре дня назад возле ночлежки, глаза загноились, его донимал мучительный кашель.

Красный рубец на левой руке, где его зацепило болтом, загноился и распух.

Шлейхман был не в состоянии плакать. Слезы он уже выплакал. И знал, что спастись ему не удастся. На третий день он попытался добраться до Толливера и упросить его остановиться. Он готов был обещать ему ремонт ванной, постройку нового дома, замка, дворца, в конце концов! Только бы это прекратилось! Ради Бога!

Но добраться до Толливера не удавалось. Когда Шлейхман первый раз решил связаться со стариком, его арестовала калифорнийская дорожная полиция, где он числился в списках разыскиваемых, так как оставил машину посреди бульвара Вентура. Каким-то чудом Шлейхману удалось сбежать.

Во второй раз, когда он пробирался задворками, невесть откуда налетел питбуль и оставил его без левой штанины.

В третий раз ему даже удалось добраться до улицы, где жил Толливер, но тут его чуть не переехала тяжелая машина для перевозки легковых автомобилей. Он сбежал, опасаясь,

чтобы на него с неба не упал самолет.

Тогда он понял, что исправить ничего нельзя, против него ополчились силы с колоссальной инерцией, и он обречен.

Шлейхман лег на спину, ожидая конца, но не так все было просто. Пение четырех миллиардов – симфония невообразимой сложности. Пока он лежал, в переулок забрел маньяк. Увидев Шлейхмана, маньяк вытащил из кармана опасную бритву и уже склонился над ним. Шлейхман открыл глаза, когда ржавое лезвие уже было занесено над его горлом. Охваченный спазмом ужаса, бедняга не мог шевельнуться и не слышал звука выстрела. Пуля полицейского разнесла пополам череп маньяка, на счету которого уже был десяток бродяг вроде Шлейхмана.

Он очнулся в камере полицейского участка, огляделся, увидел компанию, в которой ему отныне придется коротать время, понял, что сколько бы лет ему ни удалось прожить, они будут наполнены таким же ужасом, и начал раздирать свои лохмотья на полосы.

Когда за бродягами пришел полицейский, чтобы вести их на суд, он увидел висящего на дверной решетке Уильяма Шлейхмана с выпученными глазами и высунутым языком, похожим на почерневший лист. Не понятно только, как вышло, что никто не попытался помешать Шлейхману. На лице несчастного застыло выражение, будто в минуту смерти перед ним мелькнула вечность, полная безмерной муки.

Передачик может направить луч, но не в силах себя исце-

лить. В минуту, когда умер Шлейхман, Фред Толливер – по-прежнему не ведая о том, что сотворил, – сидел у себя дома, осознав до конца, что сотворил с ним обидчик. Старик не был в состоянии оплатить счет, он вряд ли когда-нибудь сможет работать и потому неизбежно потеряет свой дом. Придется провести последние годы в каком-нибудь клоповнике. Его достаточно скромные жизненные планы потерпели крах. Даже мирно скоротать старость не получается. Только холод и одиночество

Завонил телефон. Толливер вяло поднял трубку.

– Да?

После небольшой паузы раздался ледяной женский голос.

– Мистер Толливер, говорит Ивлин Хенд. Вчера я ждала целый день. У меня пропал концерт. Будьте добры вернуть мне мою скрипку, в каком бы состоянии она ни была.

У него даже не хватило сил на вежливый ответ.

– Ладно.

– Я хору поставить вас в известность, мистер Толливер, что вы нанесли мне огромный ущерб. Вы ненадежный и плохой человек. Я хочу вас уведомить, что я этого так не оставлю. Вы выманили у меня деньги под ложным предлогом, вы загубили открывшуюся мне редкую возможность и причинили мне глубокие страдания. За это вы заплатите, если есть на свете справедливость. Я заставлю вас пожалеть о вашей подлой лжи!

– Да-да. Да, конечно, – бессознательно ответил Толливер.

Он повесил трубку и остался сидеть.

Пели эмоции, танцевали электроны, сдвинулся фокус и продолжалась симфония гнева.

Виолончель лежала у его ног. Ему не выбраться, не выпутаться. Ноги начинала сводить невыносимая боль.